

УДК 930

Гранков Д.А.

Московский государственный областной университет

**ЗАКАТ УСАДЕБНОГО МИРА
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ)**

D. Grankov

Moscow State Regional University

**THE DECLINE OF THE MANOR WORLD (BY RUSSIAN
EMIGRANTS' MEMOIRS)**

Аннотация. В статье речь идет о кризисных явлениях в усадебной жизни России конца XIX – начала XX в. На основе анализа мемуаров русских эмигрантов «первой волны» исследуются процессы оскудения и запустения усадеб. Рассматриваются негативные экономические и социальные процессы, имевшие место в среде помещиков после отмены крепостного права, попытки переустройства дворянских имений в условиях нового хозяйствования, разрушительные последствия погромов 1905 г., а также изучаются причины упадка усадебной культуры в начале XX столетия.

Ключевые слова: усадьбы, мемуары, русские эмигранты, отмена крепостного права, революция 1905 г.

Abstract. The paper covers the crisis of the Russian country life in late 19th – early 20th centuries. Based on the memoirs of the so-called “first wave” of Russian emigrants the study investigates the processes the Russian manors declining and falling into decay. The author considers some negative economical and social processes occurring in the life of the Russian landowners after abolition of serfdom, their attempts to reform manors and adapt them to new economic conditions. The study is also focused on destructive consequences of the pogroms in 1905 as well as the causes of decay of the country culture in early 20th century.

Key words: manors, memoirs, Russian emigrants, Émigré, abolition of serfdom, the Russian Revolution of 1905.

Русская усадьба составляла особый мир, неотъемлемую часть повседневной жизни Российской империи до начала XX в. Революционный 1917 г. принес немало разрушений и нанес по усадебной культуре большой удар. Однако процесс упадка, запустения и исчезновения усадеб начался задолго до «великих потрясений». И.А. Бунин, вспоминая о своем детстве, писал следующее: «В те годы [1870-е – 1880-е гг. – Д.Г.] уже завершалось пресловутое дворянское «оскудение»... Я рос именно в «оскудевшем» дворянском гнезде». [5, 9-10]

Усадебный мир – в первую очередь, мир человека. Исследовать историю родовых гнезд – значит попытаться изучить жизнь людей, так или иначе связанных с ними. В контексте этого приобретает актуальность анализ источников личного происхождения, среди которых наиболее полно раскрывают обозначенную тему мемуары.

Особенно интересными и пока малоизученными остаются воспоминания эмигрантов, вынужденных покинуть родную страну после 1917 г. Многочисленные мемуары, написанные эмигрантами «первой волны», богаты и разнообразны по содержанию. Они создавались спустя большой промежуток времени в условиях иной культурной, социальной и этнической среды. Их авторы – люди разного социального и профессионального положения. Все это требует подробного изучения, проведения критического анализа текстов и определения степени их достоверности.

Первый значительный удар по усадебной жизни нанёс Манифест 1861 г. об освобождении крестьян. Свидетель событий барон Н.Е. Врангель, крупный промышленник и предприниматель, отмечал, что ни помещики, ни крестьяне не были подготовлены к новым порядкам, и с первых же шагов началась хозяйственная разруха и оскудение. «После освобождения старое поколение дворян, потеряв почву под ногами, махнуло на все рукой и отошло в сторону» [10, 97]. Лишившись бесплатной рабочей силы, помещики не могли или не желали самостоятельно вести хозяйство. Причины этого были разные. Князь Г.Е. Львов, глава Временного правительства, констатировал: «...Не могли преодолеть вековую привычку жить за чужой работой, за чужой счет» [13, 89]. В итоге молодому поколению оставалось в наследство или уже разоренное, или заложенное имение, или не оставалось ничего. Философ Н.А. Бердяев происходил из дворянской семьи, но ему не пришлось жить в родовом гнезде. В воспоминаниях он писал, что мечтал о собственном имении, о жизни в деревне, но тут же признавал: «Отец мой всегда имел тенденцию к разорению» [3, 18].

Некоторые наследники, молодые люди, оказались приспособлены к новой жизни ничуть не больше старшего поколения. Видный театральный деятель и режиссер князь С.М. Волконский не отрицал: «Я никогда не любил хозяйства; меня всегда больше влекла расходная, нежели доходная статья» [8, 36]. Алексей Алексеевич Татищев, чиновник Министерства земледелия, в мемуарах писал: «...Склонности к хозяйству у меня не было и, в сущности, я бы с большой охотой провёл бы те же часы за книгой в папином кабинете в своей комнате или же бродя по саду и в ягодах» [17, 26]. То же вспоминал его брат, дипломат Борис Алексеевич Татищев: «Ни мой отец, ни тем более я сам сельскими хозяевами не были. ... Постепенно мы привыкли смотреть на Беяницы, как на имение бездоходное, приятное только своей усадьбой, а для доставления владельцу денежных средств не идущее в расчёт» [18, 211].

Когда никто в семье не занимался хозяйством, вся ответственность ложилась на управляющего, деятельность которого зачастую не контролировалась. Тогда судьба имения напрямую зависела от личности управляющего. Чаще подобные обстоятельства складывались в тех случаях, когда семье принадлежало несколько владений в разных губерниях. Порой среди управляющих встречались хорошие специалисты и организаторы с агрономическим образованием, однако нередко эту должность занимали случайные люди. Оставленные без надзора, они приводили хозяйство в расстройство. Графиня П.С. Уварова, известная своей научной и общественной деятельностью, вспоминала о том, как они с мужем пытались наладить жизнь в старом поместье. Она писала: «... как трудно молодым хозяевам справиться со старою дворнею, привыкшею в имении, где давно не было «хозяйки», а хозяева только наезжали, к праздной жизни и полному безделью. Управляющий старался направить и приискать занятия более здоровому элементу, но и он, смотря на более старых, отказывался от всякой работы и хотел жить по-прежнему, кормиться и одеваться, ничего не делая». Иногда приходилось сталкиваться с мошенничеством и воровством [20, 26]. Граф П.А. Граббе вспоминал о неприятном случае, когда управляющий в их имении продал уродившиеся в саду продукты, скот, «даже зерно, хранившееся в амбаре, бревна и доски, стоявшие во дворе, кое-что из мебели и разбитый экипаж, на который трудно было бы найти охотника. Поправив, таким образом, своё материальное положение, он скрылся» [11, 126]. Подобные происшествия не были редкостью, как не являлось редкостью и то, что помещик «никогда в поместье не показывался» [2, 8]. Аналогичные последствия случались и вследствие деятельности опекунов, назначенных для рано осиротевших детей. Часто наследники находили своё имущество после них в плачевном состоянии.

В начале XX в. усадьба меняла облик, наблюдались две основные тенденции ее трансформации. С одной стороны, исчеза-

ли крупные наследственные поместья; держать большие площади земли для многих стало невыгодно. Старые хозяева продавали имение, оставляя лишь усадьбу с парком, в которых можно отдохнуть и приятно провести время летних каникул [16, 288, 755; 21, 128]. Само понятие усадьбы стало интегрироваться с характерными чертами «дачи», и это уже не являлось «усадьбой» в прежнем понимании [22]. С другой стороны, появлялись крупные модернизированные хозяйства с современными промышленными комплексами. Имена стали переходить в руки предпринимателей, богатых купцов. «Эти крепкие руки Чеховских Лопахиных, с их новыми промышленными повадками, вырубали не только вишневые сады дворянских усадеб, но изгоняли и самый дух помещичьей жизни», – сетовала баронесса Л.С. Врангель [9, 113]. Писатель Л.Г. Жохов отмечал: «Пышные, богатые усадьбы дворян-вельмож часто воздвигавшиеся случайно разбогатевшими людьми, меня не интересуют. Последние годы перед революцией они в большом числе переходили в руки коммерсантов и промышленников, ничего общего не имевшими со старыми служилыми людьми Московского Царства – дворянами Российской Империи» [12, 5-6].

Перемены в жизни коснулись не только провинции. Исследователи начала XX в. определяли усадьбу прежде всего как загородное жильё, однако существовал особый тип усадьбы городской. Дипломат С.Д. Боткин, описывая родительский особняк на Покровке в Москве, вспоминал, что это была «действительно усадьба»; во дворах находилось несколько отдельных построек, сараи, конюшни, коровники, курятники и т. п. В мемуарах эмигрантов неоднократно можно встретить суждения о том, что московская жизнь 1870 – 1880-х гг. более деревенская, нежели городская [15, 41-42, 44-45]. Однако, по словам того же С.Д. Боткина: «Уже в конце этого периода жизнь стала быстро меняться и из помещичьей превращаться в городскую»¹. Князь В.А. Оболенский вспо-

¹ Мемуары камергера высочайшего двора Сергея Дмитриевича Боткина // Архив-музей библиотеки-фонда

минал о другой московской усадьбе, доме М.А. Ладыженской в Кудринском переулке, где ему неоднократно приходилось бывать. Постепенно, начиная с конца 1880-х гг., богатая когда-то усадьба оскудевала, часть дома и флигель сдавались в наём, хозяйка плохо следила за порядком, грязь развелась «ужасающая», незадолго перед войной 1914 г. усадьбу разрушили: «Москва разрасталась и застраивалась столичными многоэтажными домами, водопровод сменил ленивых водовозов, ... менялась жизнь, менялись нравы старой Москвы» [15, 45].

В провинции оскудевшие дворяне жили всё более замкнуто, хозяйством не занимались и постепенно исчезали [13, 24-25]. Князь В.А. Оболенский описывал в воспоминаниях немало подобных случаев. Он служил земским статистиком, и ему приходилось ездить по Псковской губернии, лично наблюдать за положением дел в Холмском и Торопецком уездах. Здесь проживало много старых потомственных дворян, среди которых «встречались» культурные люди, «но большинство дичало в этой глуши и, продолжая вести прежнюю веселую и беззаботную помещичью жизнь, материально оскудевало и морально опускалось» [15, 200]. Автор рассказывает о посещении им крупного имения Краснополец, некогда принадлежавшего министру Павла I Кушелеву-Безбородко: «Огромный дворец с облупленной штукатуркой и рядом разбитых стекол стоял в глубине большой грязной площади. Большая часть мебели была вывезена и продана. ... Роскошный парк с фонтанами, тенистыми аллеями и шпалерами стриженных лип был частью вырублен, а частью зарос бузиной и крапивой. ... Несколько комнат дворца еще поддерживались в пригодном для жилья состоянии. ... Там еще сохранилась разрозненная мебель из красного дерева, а со стен уныло глядели на меня вынутые из дорогих рам Екатерининские вельможи и их декольтированные жены» [15, 203-204].

Повсеместно набирали силу процессы деклассирования. О целой деревне «окрестья-
«Русское Зарубежье». Ф. 33. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

нившихся» дворян в Тульской губернии общается в мемуарах князя Г.Е. Львова. [13, 24-25] Общественный деятель и юрист Я.Л. Тейтель, служивший в судебном ведомстве, вспоминал: «Еще был один элемент, однодворцы, так называемые «панки», т. е. потому обедневших дворян, которым правительство отдало землю в Самарском уезде. Эти панки сами обрабатывали землю, жили крестьянской жизнью и некоторые из них даже были неграмотны, но носили древние родовитые фамилии: Шаховские, Черкасские, Трубецкие, Ромодановские и т. д.» [19, 76-77]. Автор пишет, что «панки» имели право участия в дворянских выборах, и этим пользовались жаждавшие пробраться в предводители дворянства, наряжая их во взятые напрокат фрак и привозя на выборы.

Необходимо пояснить, что подобные социальные явления неразрывно связаны с процессами упадка усадебной культуры к началу XX в. Это становится понятно, если рассматривать имение не просто как земельный участок, а как важный социальный фактор. В XVIII – первой половине XIX в. владение поместьями и крепостными душами было сословной привилегией дворян. Усадьба, ее традиционная жизнь, воспроизводящая быт помещика, его хозяйственное и имущественное положение, служила символом и олицетворением социального статуса. Уже во второй половине XIX в. осознание себя в качестве наследственного преемника прав и обязанностей по отношению к своей вотчине уходило в прошлое, исчезало «усадебное мышление». «Социальная» гибель усадеб в этот период предвосхитила их «физическое» уничтожение в революцию.

Более энергичные люди пытались завести «рациональное хозяйство», или выдумывали всевозможные, нередко сомнительные, предприятия, тратили последние деньги и прогорали. Люди, не имевшие практического опыта и научных знаний, необдуманно засеивали поля новыми культурами, заводили породистый скот, который не приживался, покупали дорогостоящие машины, которые простаивали в сараях [7, 73-74]. Один

из способов выхода из затруднительного положения помещики видели в открытии какого-либо предприятия в имении. Но это рискованное мероприятие часто также оканчивалось разорением. Князь Г.Е. Львов писал в мемуарах, что с падением крепостного уклада они попали в категорию разорившихся помещиков. Тогда его отец построил в имении Поповка Тульской губернии винокурный завод. Первое время он давал неплохой доход, но вскоре повысили акциз для покровительства большим предприятиям так, что малые не могли выдержать конкуренции, и вынуждены были закрываться. Пришлось сдать завод арендатору, который привел его в полный упадок, а после – распродать по частям. Г.Е. Львов приводит пример и другого, более сомнительного начинания: «Немного подальше, в селе Панском жил помещик Тихменев. Он после крепостного права ударился в предприятия, затеял в Москве ассенизационный обоз с приспособлением какого-то ассенизационного порошка под названием катарро. Новое тогда для Москвы дело это давало большие надежды. Но скоро Тихменев на нем разорился, ему пришлось распродать свое имение» [13, 42-43, 85].

Встречаются случаи, когда усадьбы пустовали без хозяев и постепенно разрушались. Князь Ф.Ф. Юсупов в мемуарах упоминал о посещении им в 1912 г. одной из их самых старых усадеб в Подмосковье Спасской: «... об этом имении словно забыли не знаю почему. ... Как только я приблизился, то пришел в ужас: все сплошь – развалины! Двери сорваны, стекла разбиты. Потолки рушатся, на полу оттого груды мусора и щебенки. Коегде остатки былой роскоши... Залы – один другого прекрасней, а куски колонн лежат на полу, как отрубленные руки...» [23, 72-73]. Чаще подобное случалось с усадьбами, которые находились в дальних губерниях. Ветшали и разрушались они, но, как видно, не только от разорений и бедности, ведь и «от великого богатства случаются порой великие ошибки» [23, 72-73].

Надо заметить, что все эмигрантские мемуары написаны с ностальгией и сожалением

нием об ушедшем мире. Но вряд ли можно сказать, что еще до 1917 г. их авторы и персонажи предчувствовали окончательную гибель всего усадебного мира. В какой-то степени старались жить по-прежнему, как могли, вели хозяйство, по возможности поддерживали порядок в имении. Но перемены и признаки увядания становились очевидны – оттого в воспоминаниях так часты сравнения с прежней жизнью, со временами до отмены крепостного права. По той же причине появляются восхищенные повествования о предках, живших в аристократической роскоши и строивших великолепные дворцы, перечисления владений, которыми прежде обладали, рассказы крестьян-старожилов о давнем величии помещиков. «Парадность никогда не затмевалась и сопутствовала жизни даже в ежедневных мелочах...», – так С.М. Волконский характеризует усадебную жизнь времен императора Николая I. Он не мог быть свидетелем тех времен, но, тем не менее, пишет, что все это в нем «живет где-то глубоко, в тех недрах человеческого сознания, где живет то, чего мы никогда не видели...» [8, 20].

Первая русская революция 1905 года нанесла усадебной культуре большой материальный ущерб. Крестьянские толпы разрушали, уничтожали, сжигали, громили дома, дворцы, усадьбы и всё, что в них находилось, включая старинную мебель и предметы искусства. Сравнивая ситуации 1917 г. и 1905 г., один из русских эмигрантов, анонимно подписавшийся как Z., утверждал: «В 1905 году не было надежды на окончательность уничтожения помещиков, и, боясь реставрации, крестьяне уничтожали имущество, редко беря его себе. В 1917 году уже была полная уверенность, и все «делилось», включая и машины» [1, 252]. Философ и литератор князь С.Е. Трубецкой сожалел: «Много было тогда разрушено наших родных гнезд, много пропало бесценных культурных сокровищ. Морально удары эти переживались еще куда тяжелее, чем материально. Болезненно рвались нити, веками связывавшие нас с крестьянами...» [20, 54].

После событий 1905 г. начались следствия. Ценные свидетельства-воспоминания об этом оставил Я.Л. Тейтель, которому приходилось сталкиваться с так называемыми «аграрными делами». Автор указывает, что особые присутствия суда, учрежденные специально для решения аграрных дел, были скорее политическими учреждениями, а не судебными. Привлекались по каждому делу сотни людей, улики отсутствовали. «В данном случае на скамью подсудимых сажали часто людей, ни в чем не повинных, но чем-либо неугодных полиции, волостному начальству и т. п.». И далее автор подытоживает: «Господствующий класс забыл урок, данный ему в 1905 году. Больно и смешно было слышать рассуждения представителей высшего сословия о причинах возникновения беспорядков 1905 года, которые приписывали козням и пропаганде земских учителей и учительниц. ... Причины, большей частью, если не всегда, были экономические, – малоземелье, – и конечно, преобладающее значение имела некультурность, темнота народных масс» [19, 155].

Художница Варвара Бубнова оставила воспоминания о родном имении Берново Тверской губернии, где прошли годы детства и юности: «К этому времени все в доме «обветшало». Хозяйство упало. Продавались участки земли; антикварам продавались остатки старины. Как и «Вишневы сад», родовое имение Берново должно было перейти за долги к новому Лопухину. Но пришла революция и с ней новая жизнь» [4, 112-113]. Публицист и философ Н.В. Вольский, писавший под псевдонимом Валентинов, задаваясь вопросами о судьбе старого мира дворянской усадьбы, рассуждал: «Ну, и что же? Жаль? ... Одно исчезает, другое, новое, замещает. А сколько поколений, начиная с камергера Екатерины II, здесь превратились в прах степи? Одни умирают, другие приходят на смену. Это ход жизни» [6, 78-79]. Исследуя многочисленные воспоминания, можно найти различные мнения о причинах произошедшего заката усадебной культуры. Одни видели их в крушении крепостного строя и

неумении помещиков самостоятельно вести хозяйство в новых условиях [10, 32, 97; 13, 24-25, 26, 89], другие считали этот процесс закономерным [6, 78-79; 4, 112-113], кто-то полагал, что дворяне потеряли вкус к собственности, разучились любить своё [1, 243-244]. Анатолий Марков писал: «В течение всего XIX века у нас каждое новое поколение отрицало старое; между «отцами и детьми» шла постоянная война. Редкий из нас любил свои насиженные гнёзда. В исчезновении дворянских усадеб такая «психика» сыграла решающую роль» [14, 61].

В меняющемся мире, в условиях социальных и экономических потрясений и революционных катаклизмов исчезновение традиционного усадебного мира становилось неизбежностью. Следствием невнимательности, невежества и небрежности людей была потеря большей части огромного культурного наследия усадебного прошлого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Z. К познанию происшедшего // Русская мысль. 1923. № III-V. С. 232-256.
2. Аленникова Н.С. Русская трагедия. Дороги дальние, невозвратные. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 382 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
4. Бубнова В.Д. Село Берново // Уроки постижения. Художник Варвара Бубнова: воспоминания, статьи, письма. М.: Истина и жизнь, 1994. С. 111-113.
5. Бунин И.А. Воспоминания. Париж: LEV, 1981. 272 с.
6. Валентинов Н.В. *Supremum vale* // Возрождение. 1951. № 18. С. 59-79.
7. Волков-Муромцев Н.В. Юность: От Вязьмы до Феодосии (1902-1920). Paris: YMCA-Press, 1983. 426 с.
8. Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 2. Родина. Быт и бытие. М.: Захаров, 2004. 544 с.
9. Врангель Л.С. Далёкое прошлое: Отрывки из рассказов моей матери. Париж: YMCA-Press, 1934. 125 с.
10. Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 527 с.
11. Граббе П. Окна на Неву: Мои юные годы в России. (Пер. с англ. Н. Карачаровой). СПб.: Издательство «Иванов и Лещинский», 1995. 206 с.
12. Жохов Л.Г. В усадьбе. Нью-Йорк, 1971. 240 с.
13. Львов Г.Е. Воспоминания. М.: Русский путь, 1998. 320 с.
14. Марков А. Родные гнёзда. Сан-Франциско, 1962. 224 с.
15. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Paris: YMCA-Press, 1988. 754 с.
16. Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861-1920. М.: Росс. фонд культуры, Студия ТРИТЭ, Российский Архив, 2008. 1000 с.
17. Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906-1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.
18. Татищев Б.А. Семейная хроника // Новый журнал. 1986. № 163. С. 205-233.
19. Тейтель Я.Л. Из моей жизни за сорок лет. Париж: Издательство Я. Поволоцкий и Ко, 1925. 241 с.
20. Трубецкой С.Е. Минувшее. Paris: YMCA-Press, 1989. 293 с.
21. Штейгер А.С. Детство Анатолия Штейгера: Из его воспоминаний // Новый журнал. 1984. № 154. С. 109-138.
22. Шукин В. Миф дворянского гнезда. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997. 315 с.
23. Юсупов Ф.Ф. Мемуары: В 2-х кн.: До изгнания, 1887-1919. В изгнании /пер. с франц. Е. Кассировой / Ф.Ф. Юсупов. М.: Захаров, 2001. 429 с.